

О Т З Ы В

официального оппонента Л. В. Головки

на диссертацию А. Н. Огородова

*«Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном
судопроизводстве»*,

представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 12.00.09 – уголовный процесс.

Актуальность темы диссертационного исследования А. Н. Огородова не вызывает сомнений. Она надлежащим образом обоснована во введении к диссертации (с. 4 – 5). От себя добавлю, что вопрос о процессуальной самостоятельности следователя является одним из центральных для всей организации предварительного расследования. В то же время сегодня не так много столь же актуальных и вызывающих самые острые дискуссии проблем, нежели организация предварительного расследования, необходимость его реформирования, пути дальнейшего развития и т. п. Также очевидно, что данная проблема обсуждается не только в рамках академической науки, но и в органах власти, заинтересованных ведомствах, она, безусловно, интересует общественное мнение. Поэтому речь идет об актуальности не только сугубо теоретической, но и практической, о чем можно говорить с полной уверенностью и без малейших преувеличений.

Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в рецензируемой диссертации, **обоснованы, достоверны** и обладают **научной новизной**. Такой вывод можно сделать на основании изучения как положений, вынесенных на защиту (с. 10 – 12), так и основного текста диссертации. Об обоснованности и достоверности диссертации также позволяет судить использованный в ней нормативно-правовой, эмпирический и доктринальный (научный) материал, который вполне достаточен, репрезентативен и соответствует предъявляемым требованиям. Вынесенные на защиту положения надлежащим образом аргументированы в тексте самой диссертации, соответствуют ее содержанию и вытекают из него. Представленные выводы отражают цели и задачи диссертационного исследования (с. 7 – 8).

Если говорить о конкретном содержании диссертации по существу, то нельзя не поддержать многие содержащиеся в ней выводы и положения. Так, убедительным и обоснованным является вынесенное на защиту положение о том, что создание «единого федерального централизованного органа предварительного следствия с подчинением

нижестоящих следственных органов выпестоящим приведет к полной утрате следователем своей процессуальной самостоятельности, так как она будет полностью заменена административными (непроцессуальными) отношениями власти и подчинения» (с. 10 - 11). Этот вывод особенно важен и ценен в контексте непрекращающейся дискуссии о целесообразности организации единого следственного ведомства. Не менее убедительными, верными и аргументированными являются также вынесенные на защиту положения о недопустимости построения «модели предварительного следствия, в которую изначально закладывается возможность возникновения противоречий между взаимодействующими субъектами внутри одного и того же следственного органа, с разрешением этих противоречий путем властного подчинения убеждения следователя позиции руководителя следственного органа» (с. 11), в силу чего «необходимо лишить руководителя следственного органа неоправданно широких процессуальных полномочий по контролю за деятельностью следователя, которыми он обладает в настоящее время» (там же; также с. 209, с. 211).

Нельзя не согласиться и с авторской оценкой реформы 2007 г., которая, вопреки декларациям, на самом деле привела к «дальнейшему ослаблению роли следователя и... умалению его процессуальной самостоятельности» (с. 40). Абсолютно справедливой и очень важной в русле ведущихся научных дискуссий является критика диссертантом иногда высказываемых сегодня в литературе соображений о целесообразности полной ликвидации предварительного следствия как формы расследования. Диссертант прав, когда отмечает, что это было бы «огромным шагом назад» (с. 52). Следует поддержать и отстаиваемый им в диссертации вектор развития: повышать требования к кандидатам на должности следователей, двигаться в сторону их выравнивания с требованиями, предъявляемыми к кандидатам на должности судей (с. 87 – 89), что позволит в дальнейшем рассматривать вопрос об отнесении функции расследования преступлений к судебной деятельности (с. 76). Очень важно, что диссертант не ограничивается анализом уголовно-процессуальных аспектов деятельности следователя в строгом смысле, но идет дальше, рассматривая проблемы организации его труда, показателей его деятельности и др. (с. 95 – 97), поскольку данные факторы, как показано в диссертации, имеющие, казалось бы, внеинституциональную природу, на самом деле оказывают непосредственное влияние на функционирование уголовно-процессуальных институтов. Совершенно справедлив и надлежаще обоснован содержащийся в диссертации вывод, что «споры между следователем, прокурором и руководителем следственного органа по вопросам

производства по уголовному делу ни при каких обстоятельствах не должны являться предметом судебного разбирательства» (с. 208). Причем важен не только сам вывод, но и выдвинутые в его обоснование аргументы, понимание последствий применения противоположных подходов и т. п.

Приведенный перечень важных, обоснованных и заслуживающих поддержки положений, содержащихся в диссертации А. Н. Огородова, исчерпывающим, конечно, не является. Однако и его достаточно, чтобы прийти к выводу, что в рецензируемой диссертации решена научная задача, имеющая несомненное значение для развития уголовно-процессуального права (научная специальность 12.00.09), в силу чего диссертация соответствует критериям, установленным п. 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842.

Автореферат диссертации отражает ее содержание. Как следует из введения к диссертации, результаты исследования надлежащим образом апробированы (с. 13). Количество публикаций в изданиях, включенных в перечень ВАК, достаточно (с. 25 и 26 автореферата диссертации).

В то же время не могу в порядке научной полемики не высказать диссертанту несколько замечаний:

1) С одной стороны, лейтмотивом работы является понимание того, что качественное, всестороннее и беспристрастное предварительное следствие невозможно без процессуальной самостоятельности следователя. В этом русле лежат и многие выносимые на защиту положения (см. выше). С другой стороны, автор одновременно ратует за введение уголовной ответственности следователя за неисполнение различного рода ведомственных приказов и распоряжений, в том числе методического характера (с. 84), предлагает, чтобы следователь и прокурор привлекали друг друга к административной ответственности (с. 85) и т. п. Представляется, что такого рода предложения никак не соответствуют выдвигаемой в работе концепции планомерного, но уверенного движения в сторону отнесения предварительного следствия к судебной деятельности, превращения следователя в судебного следователя (с. 76), выравнивания требований к следователям и судьям (с. 88) и т. п. Здесь диссертант, на взгляд официального оппонента, противоречит сам себе.

2) Думается, что диссертант преувеличивает значение разного рода абстрактных определений, иногда чрезмерно увлекается ими. Это касается и вынесенного на защиту предложения о дополнении уголовно-процессуального закона определением

процессуальной самостоятельности следователя (с. 10), и сетований диссертанта по поводу отсутствия в уголовно-процессуальном законе определения понятия «ход расследования» (с. 99), и замечания об отсутствии в том же уголовно-процессуальном законе понятия «законная сила» (с. 134) и т. д. Но уголовно-процессуальный закон – это не словарь уголовно-процессуальных терминов. Для разъяснения понятий существует такой важный элемент правовой системы как доктрина. В силу необходимости овладения уголовно-процессуальным понятийным инструментарием мы и требуем от следователей и судей высшего юридического образования, заботимся о повышении качества этого образования. Да и что даст внесение в УПК определения процессуальной самостоятельности следователя? Разве следователь станет от этого самостоятельнее? Думается, нет. Влияние на его самостоятельность оказывают реальные процессуальные механизмы (статус, взаимоотношения с руководителем следственного органа, прокурором и т. п.), а не абстрактные определения.

3) Анализируя французский уголовный процесс диссертант отмечает, что в разных источниках ему встретилось разное наименование органа предварительного следствия второй инстанции, которую называют то «следственной камерой», то «обвинительной камерой» (сноска № 145). В силу этого в работе данные наименования рассматриваются как равноценные, ставятся через скобки (с. 67). На самом деле, никакого противоречия в источниках нет. Соответствующий орган до принятия во Франции важного Закона от 15 июня 2000 г. именовался «обвинительной камерой» (*chambre d'accusation*), а в результате привнесенной данным Законом существенной реформы (далеко не только терминологической) стал именоваться «следственной камерой» (*chambre de l'instruction*). Иначе говоря, если понятие «обвинительная камера» встречается в российских источниках, изданных до 2000 г., то оно вполне корректно и соответствует действовавшему на тот момент законодательству, если же – после 2000 г., то это ошибка. Так что ставить данные понятия через скобки нельзя. Впрочем, в отечественной литературе изменение наименования бывших «обвинительных камер» давно описано, причем почти сразу же после принятия Закона от 15 июня 2000 г. (см.: Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М., 2001. С. 295; 2-е изд., М., 2002. С. 308). Диссертант на данную работу ссылается, но, видимо, изучил ее недостаточно внимательно.

4) В некоторых случаях диссертант, как представляется, не учитывает, что российское предварительное следствие не имеет судебной природы, во всяком случае пока. Поэтому его предложения выглядят, как минимум преждевременными. Скажем,

он отмечает отсутствие во Франции института жестких сроков предварительного следствия и предлагает перенести данный опыт на современную российскую почву. Однако, нельзя не учитывать, что запрет «торопить правосудие» касается исключительно судебной деятельности, в силу чего, например, в России нет сроков судебного разбирательства. Предварительное следствие во Франции – деятельность судебная, поэтому там нет сроков и предварительного следствия. Однако, применительно к несудебной деятельности (допустим, полицейское дознание) сроки либо есть, либо постепенно вводятся, так как полиция – это не суд, на нее распространяются более жесткие ограничения, в том числе в части сроков. Предварительное следствие в России сегодня – деятельность несудебная, поэтому наличие института сроков следствия (с возможностью продления) совершенно логично. Точно по этой же причине понятие «законной силы» решения (*res judicata*) никак не может касаться постановлений следователя, дознавателя и т. п. (см. об этом с. 140 – 146 диссертации), поскольку речь может идти только о *судебном решении*. Обеспокоенность диссертанта проблемой запоздалой отмены постановлений следователя, в том числе определяющих движение дела (о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении и т. п.) понятна, ее надо решать, очень полезные механизмы в этом смысле были в отдельных случаях предусмотрены советским уголовным процессом, однако понятие «законной силы решения» здесь нам никак не поможет – оно касается исключительно суда и вытекает (со времен римского права) из самой природы судебной деятельности. Его распространение на деятельность несудебную приведет лишь к дальнейшему смещению полиции и юстиции (в широком смысле).

5) Трудно согласиться с предложением диссертанта о введении уголовной ответственности за заведомо ложные показания обвиняемого (с. 148), особенно с учетом того, что сам диссертант в другом месте работы высказывается за продолжение «использования» российским уголовным процессом «континентальной модели» (с. 76). Но континентальные правопорядки никогда не знали и не знают уголовной ответственности обвиняемого за дачу заведомо ложных показаний, такой подход характерен только для англосаксонского уголовного процесса. Последний рассматривает обвиняемого как сторону, противостоящую стороне обвинения, в том числе в ходе досудебного производства, в силу чего накладывает на нее достаточно серьезные обязанности при согласии дать показания в суде, вплоть до уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Континентальные правопорядки

никогда не считали обвиняемого стороной, противостоящей следователю. Следователь обязан действовать всесторонне, полно и объективно, централизуя в своих руках достаточно серьезные полномочия. В качестве «противовеса» процессуальная система предоставляет обвиняемому широкие права на защиту, включающие возможность выдвигать любые версии и исключать уголовную ответственность в ситуации, когда они оказываются неправдоподобными (ложными). Тем самым достигается баланс между полномочиями следователя и правом на защиту. Если следовать предложениям автора, то баланс будет нарушен, что негативно скажется на развитии самой континентальной системы. Кроме того, вряд ли отсутствие уголовной ответственности за заведомо ложные показания ограничивает процессуальную самостоятельность следователя (с. 148), у которого есть достаточно процессуальных средств для проверки любых показаний обвиняемого. Во всяком случае, ограничивает оно его не больше, чем любые другие процессуальные гарантии или, допустим, требования к процессуальной форме.

Однако сделанные замечания имеют дискуссионный характер и не влияют на общий вывод о том, что диссертация А. Н. Огородова соответствует критериям, установленным действующим Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (в действующей редакции), а ее автор заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук.

Заведующий кафедрой уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора

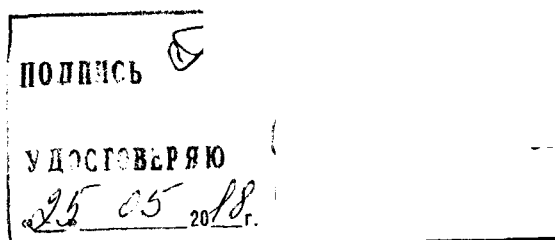

Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,

доктор юридических наук,

профессор

Леонид Витальевич Головкин

(119 991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы,

д. 1, стр. 13, 4-й учебный корпус

тел.: 495 938 21 82;

эл. почта: office@law.msu.ru)